

Нина АЛЕКСАНДРОВА

САМАЯ СТРАШНАЯ В МИРЕ ЛЮБОВЬ

Егана Джаббарова. Красная кнопка тревоги. – Киев: Paradigma, 2020. – 60 с.

Егана Джаббарова, финалистка премии Драгомощенко, одна из авторок только что вышедшей в Англии антологии русского ф-письма, исследует в своих стихах не просто актуальную тему насилия и травмы – а смотрит на них сквозь призму национальной идентичности. Эта неожиданная смесь позволяет увидеть и проговорить некоторые явления, отделенные от читателя не просто фигурой умолчания вокруг них в реальности, но и железным занавесом другой культуры.

Национальный ориентальный колорит в стихах Еганы ни в коем случае не культурная апроприация, она родилась в азербайджанской семье, выросла внутри мусульманской культуры, но при этом – в России, защитила кандидатскую диссертацию по русской филологии и таким образом находится на стыке культур. С одной стороны здесь – серебряный век русской поэзии и оптика европейского модернизма, с другой – турецкий язык, мусульманский фольклор и восточный антураж. Егана говорит о насилии, боли и смерти вокруг – которая никуда не исчезает даже внутри этой резной восточной шкатулки, а наоборот, становится только страшнее («благоверный мусульманин бьет свою жену по лицу / так что раздробливает главную кость лица»).

При этом тексты Джаббаровой не только о насилии над женщинами – здесь угнетенными выступают и бедный мужчина с сыном, и геи, убитые родными, и раковые больные, и умирающая бабушка, задыхающаяся от беспочвенной ревности, и случайный попутчик с гигантским родимым пятном в виде мыши. Боль всеохватывающая, никто не спрячется «везде куда ни плюнь / остывает земля от лихорадки / копошатся страхи ползают сновидения».

Прошлая книга поэтессы «Поэма Ромберга» фиксировала чувства, сконцентрированные преимущественно вокруг личных переживаний, а в «Красной кнопке тревоги» они распространились на мир вокруг, стало видно, что страшно и больно каждому, что каждый такой же, как ты («жестокосердная жизнь проходится по земле / ничего за собой не оставляя»).

Авторский взгляд выхватывает из реальности мелочи, вещи (платок на лысой голове матери, ярко-желтая кладбищенская земля на кроссовках, красивый серебряный полумесяц брата, «жилет из дешевой ткани с большой пуговицей посередине»), каждая из которых разворачивается в целую историю – о любви и хрупкости, о постоянном фоновом страхе за каждого близкого и родного («когда ты улетаешь на три дня и садишься в белый самолёт / когда брат идёт в школу и несёт тяжелый рюкзак / когда фойе театра наполняется людьми / я испытываю страх / страх и ничего больше»).

За всеми жуткими историями, которые рассказывает Егана, всегда «самая страшная в мире любовь» – сестры к сестре, которую она убивает, но с которой остаётся навеки связана, матери к ребёнку – неважно, станет он предателем или нет, бабушки – к внучке, с которой она за всю жизнь заговорила только однажды. Это мир страшной вывернутой наизнанку любви, о которой не могут рассказать друг другу даже близкие, где ее постоянно приходится заменять чем-то странным («я хочу чтобы ты ела равняется /

люблю») – ведь способности говорить о ней нет, нет способности называть вещи своими именами, давать понять значимому другому, что он важен.

В таком мире насилие часто это невозможность сказать, как сильно я люблю тебя, как страшно отпустить и потерять.

«Ты не знал что бывает даже такая любовь»? Было бы спокойнее, если бы всё делилось на чёрное и белое, на злодеев и жертв. В мире тотального непонимания, «misunderstanding», слишком тревожно. «Вся земля пропитана тревогой / на грани припадка / вот-вот рухнет и начнёт / стонать от ужаса жизни» – потому что насилие, любовь и страх оказываются одним и тем же, слитые до полного неразличения в темноте, где «отчетливо горит красная кнопка тревоги».